

Алеха Юшаева

B + B

16+

Алеха Юшаева

В + В

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Юшаева А.

В + В / А. Юшаева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Прошлое сложно, и часто так бывает, что мы не можем себе простить малого, крохотного поступка, совершенного давным-давно. Его не изменить и не забыть. Что же остается делать? Жить. Эта история о двух девушках, переживающих прошлое, общее и личное.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Часть первая

Глава 1

Взгляд замер. Она не смотрела на меня и, казалось, не слышала ни слова, что я сказала за эту минуту. Я обернулась: небольшая кучка девятиклассников толпилась около подоконника. Прекрасная традиция – стоять у старых, сломанных, облупившихся, покореженных подоконников, сидеть на них, болтая с одноклассниками. Высокие, взрослые, они смеялись над шутками неизвестного мне парня. Я обратилась к подруге – она не реагировала. Я потянула её за рукав белой блузки – нехотя повернула голову и растерянно заморгала.

– Что с тобой?

– А, извини, я задумалась, – легкая секундная улыбка извинения промелькнула по лицу. – О чем мы говорили?

Я забыла. Она засмеялась, откинув светлые волосы назад.

– Что там такого? – кивнула я в сторону старшекласников.

– Ты знаешь, кто это? – шепотом спросила подруга.

– Без понятия.

Я не смотрю на людей, с которыми мне не по пути. Её серые глаза засветились любопытством. Случайно или так и было задумано, она склонила голову чуть набок, как это делают модели на обложках дорогих журналов. Четверо парней и две девушки, переглядываясь, обсуждали свои личные дела. что в этом может быть необычного?

– А того, что у двери стоит, знаешь? – допытывалась она.

– Да нет же, – неловко бросила я, отворачиваясь.

По широкому коридору школы, переваливаясь с каблука на каблук, двигалась завуч по воспитательной работе. Выставив вперед руку с вытянутыми пальцами, она, на мгновение похожая на императрицу, крикнула подросткам:

– А ну-ка слезли быстро! Подоконники и так ни на что не похожи, давайте доломаем последнее!

Ребята притихли, медленно вставая на ноги. Они вытянулись по струночке, внимательно глядя на подходящую к ним женщину. Когда её пухлые ноги остановились, из ярко накрашенного рта полились вопросы и восклицания:

– Где ваша форма? Почему ты в грязных кроссовках, Женя? Заплети свои лохмы, Катя! Оправь рубашку, Вова! Когда наконец я увижу ваши отличные табели? Почему на тебя, Егор, жалуется Николай Борисович? Давайте, ведите себя достойно, мне не нравится краснеть перед учителями! И не сидите на подоконниках.

Топая, она уплыла за дверь. Девятиклассники, хихикая, забрались на свои любимые места.

– Вова... – тихо произнесла подруга, выхватив чье-то имя.

Прорезался звонок, от которого она закрыла уши. Ребята, забрасывая на плечи рюкзаки, вошли в темный коридор и повернули направо, к кабинету биологии. Подруга, развернувшись, за два шага достигла расписания и, тыкнув пальцем в номер урока, повела его по прямой линии.

– 9-а.

– Ты чего, Ник? – я не настолько тупая, что ничего не поняла, когда произнесла его имя, но мне хотелось, чтобы она озвучила мои догадки.

– Какой он классный! – сдерживая верещание, она прижала ладони к груди. – Какая улыбка, Господи!

Что она нашла в его улыбке, не знаю, но если ей так хочется видеть это, то пусть. Её жадные глаза изучали расписание класса, в местах, где был шанс на встречу, она улыбалась шире обычного и была готова кричать на всю рекреацию. Я позвала её на урок. Великое нежелание и апатия проскользнули по губам. Она откинула волосы и всё же пошла за мной. Проходя по темному коридору, она на цыпочках, пытаясь не тревожить скрипящие половицы, свернула к кабинету биологии. Я смотрела на неё из тьмы, её лицо было освещено лампами кабинета. Лицо радости, лицо счастья. Сверху раздались грубые женские голоса. Я окликнула подругу, и мы наконец продолжили наше возвращение в кабинет.

– Успела?

– Нет, – ничуть не расстроено ответила она.

Мы поздоровались с учителем биологии и музыки. Их кабинеты располагались на первом этаже вместе с кабинетами географии и технологии. Со вчерашнего дня те были закрыты, потому что некоторые учителя уехали на какое-то собрание. На втором этаже, куда мы и шли, вернее, перешагивали, сидели наши сгорбленные одноклассники. Учителя еще не было. Они шумели, о чем-то спорили, иногда смеялись. Ника подошла к своему серо-розовому портфелю, взяла оттуда блокнот и записала всё, что стало открытием сегодняшнего дня. Мне было странно и непонятно, что какой-то парень, внешность которого я даже не запомнила, привлек её внимание. Гремя ключами, учитель открыла дверь и молча впустила нас, затихающих, шепчущих, шаркающих.

Нам дали небольшое задание, мы расселись за компьютеры по парам и продолжили свои шумные дела. Ника, забирая черный стул у парты, наклонилась ко мне и, обдав меня нежным запахом духов, спросила:

– Можно я сегодня все сделаю?

Это была странная просьба, но я протянула ей мышшь. Обычно за компьютером я была, что говорится, капитаном корабля. Бунт на корабле! Она быстро искала информацию, быстро вбивала нужное на слайды, быстро копировала картинки и размещала их. Спустя двадцать минут работа была сделана. Её глаза горели непонятными мыслями, идеями, желаниями, но она ничего не говорила, только слегка открывала рот, будто желая высказаться. Ко мне подошел одноклассник и спросил, что мы нашли по заданию, я, листая презентацию, показала ему, что у нас вышло. Он кивнул и отчалил. Подруга легла на парту, подложив под голову ладонь.

– Давай за ним проследим.

Она улыбнулась, словно коварная женщина.

– Зачем?

– Просто так.

Что, начало какой-то истории? Ну что ж, я расскажу её. Пусть я помню уже не все, но это не так важно, верно? Главное, что она будет на этих страницах, которые прочтет множество людей. Единственное, о чем я прошу, это о снисходительности. Девчонки седьмого класса не знали, что творили, не знали, к чему это может привести, не знали и не могли о том подумать.

Глава 2

Мы были маленькими, мы были глупыми, мы были ветреными, мы были легкими, и нам ничего не надо было. Всё просто. И казалось всё просто. Однако ничего не было просто. Впрочем, это жизнь, этому не стоит удивляться.

Всё, что я любила в Нике, – это её светлость. Правда, поняла я это намного позже, чем то, что происходило с нами. Всё, что я не любила в Нике, – это её зависимость от людей. И это я поняла довольно поздно.

Если вы хотите представить, что за девчонки свалились на голову бедному парню, то представьте вечную парочку: красавица и её подруга-дурнушка. Так вот второй была я. И я была ничуть не против находиться на этом месте, не потому что привыкла к своей роли. Я не задумывалась о том, почему мальчишки вертелись вокруг нее, почему она чаще всего привлекала внимание, почему за своей спиной я слышала смех. Вернее, я знала причину, я чувствовала её глубоко в себе, но признаваться в ней мне не хотелось. Глубокий самоанализ для девчонки в четырнадцать лет – это нечто невообразимое. Возможно, потому что я покорно принимала свои «обязанности», она решила сменить меня на того, кто не подстилался. Я молча восхищалась подругой, пытаясь во всем потакать и помогать ей. В противном случае моё детство прошло бы скучно, уныло, горько. А так мы вечно где-то носились, искали приключений на одну интересную точку и искренне радовались, когда находили их. Чуток повзрослели, и наши проказы начали сдвигаться в сторону парней. Ничего криминального: обычные девчачьи шутки и подколы. Каждая делала так со своей подругой.

И вот Вова стал новым, очередным, предметом шуток.

На следующий день она пыталась встретить его в коридорах на переменах, не чтобы заговорить, а пройти мимо и бросить мгновенный взгляд. А потом стоять за углом и смотреть на него, ловить каждую его улыбку и каждую реплику, открывающую его аккуратный рот.

Несколько дней продолжалась эта игра в шпионов. Было забавно и весело. Больше всего, конечно, нравилось ей. Щеки розовели то ли от счастья, что она на секунду увидела его, то ли от волнения, что она смогла преодолеть свою трусость и пройти мимо него. Она следила за ним, словно за добычей, словно за самой важной в жизни наградой. Она смотрела за всем: за его глазами, коричнево-желтого цвета, за движением его головы, отбрасывающей челку, за руками, то и дело тыкающих в друзей, за ямочками, рисующимися на лице от широких улыбок. Пожалуй, именно улыбки ей и нравились. Конечно, она не говорила мне об этом, но, думаю, она всегда завидовала тем девчонкам, что стояли около него на переменах, что шутили вместе с ним, что имели счастье сидеть с ним за одной партой, что даже фотографировались и обнимали его. И говорить ничего не надо.

Однажды, находясь в очередном поисково-шпионажном деле, мы застали такую картину. Вова, держа одноклассницу с довольно ярким макияжем и вычурной одеждой, улыбался перед камерой её телефона. Ника чуть не задохнулась, когда увидела их. Она спряталась за угол и отвела взгляд, как только я обратилась к ней. Она знала, что девятиклассник не посмотрит в её сторону, не обратит своего внимания, которое щедро распространяется на других девушек. Она знала, что ей не на что надеяться в своих детских для него чувствах. Она знала, но всё равно старалась не смотреть, когда он так радостно фотографировался с девушками.

Горько знать, а тем более видеть, что приятные тебе движения, улыбки предназначаются другому человеку. Зло шутя, она говорила, что готова окунуть эту крашеную курицу в унитаз. А потом они отправились на урок, мы проводили их робкими взглядами из-за угла и медленно покинули место слежки, опаздывая на свои занятия.

Уроки за уроками, перемены за переменами. Наши дни летели быстро. Мы даже не следили за тем, что уже настала зима. Мы не замечали, что время шло и шло не в нашу пользу.

Вова был девятиклассником, и он не планировал оставаться еще на два года в доводящей до тошноты школе. Об этом мы узнали, как ни странно, от его лучшего друга.

Глава 3

Ника изменилась. Наши тихие слезки превратились в истеричные мероприятия. Довольствоваться лишь взглядом и секундным безразличным вниманием она не могла и медленно, но верно переходила в наступательную тактику. Она изучила всё его расписание и весьма расстроивалась, когда видела в нем изменения. И без того малое время их встреч непомерно сокращалось. Подготовка к экзаменам давала о себе знать: Вова оставался после уроков, задерживался на переменах. Казалось, на время Нику отпустило.

Она никогда не пропускала уроков, пусть иногда и давала себе слабинку и не делала домашнюю работу, облегченно списывала у меня. Она никогда не стремилась перечить преподавателям, выступать против класса, против меня. И что-то в ней изменилось, словно в расписании, которое вывешивают всем на обозрение.

Ника, больше не носящая белых строгих блузок, не заплетающая волосы в косу, не смотрящая в свое неизменное розовое зеркальце, дерзила на каждое немягкое слово учителей. Она готова была не только отвернуться от них и просидеть так весь урок, но и бросить в их сторону что-нибудь из того, что временно покоилось на парте. Злобно смотря на всех, она резко и грубо отвечала учителю, отчитывающего её, сравнивающего её-сегодняшнюю с ней-вчерашней. Если бы ей позволили, она бы задушила каждого взрослого в этой школе, которая никогда еще так не раздражала её. А потом задушила Вову. А потом и себя. Веселая получилась бы история. Всё чаще она стала закрываться, уходя в себя и утапливая злость в музыке. Садилась на задние парты и отстраненно смотрела в окно, и, если случалось, что она видела там Его, слегка краснела и опускала глаза, проводя ими по мне. Я всё понимала.

Постепенно всё приходило в норму. Не ту, что была вообще до всего, а в спокойную норму. Учителя перестали быть врагами, девушки перестали гореть в её придуманном аду. А вот слезки продолжились с прошлой интенсивностью. Наверное, он боялся двух stalkерящих малявок и пытался скрываться как можно скорее, потому что не хотелось попасться в ловушку.

Расписание изучено, все углы затерты, движения записаны на подкорке. Чего еще нужно? Смеясь, она пародировала его походку, поднимая высоко подбородок и размахивая руками. Счастливая, она отыскала его куртку и звала меня на перемену, не чтобы лишний раз увидеть его, но лишний раз коснуться вещи, которая каждый день лежит на его плечах. Её приятный запах мужского одеколona нравился Нике, по-моему, она даже пыталась искать нечто похожее, чтобы завести себе флакончик и нюхать каждый день утром и вечером, как сердце прописало. Скалясь, она, как археолог, откапывала его куртку, обшитую разнообразно серыми лоскутами, и прижималась к ней. Вдыхая уже привычный запах, Ника чуть ли не заворачивалась в одежду, чтобы ненадолго почувствовать себя его девушкой, что он заботливо отдал свою куртку. Она даже перевешивала её подальше, чтобы он поломал голову и потратил некоторое время на поиск. Сначала на другой конец общей классной вешалки, потом вовсе на чужую. Однажды она набралась наглости и повесила её под свою, чтобы таким образом, но стать чуть ближе к нему.

Вова смеялся. От души смеялся, когда находил наконец куртку. Одевался и, продолжая смеяться, выбегал на улицу к ожидающим друзьям. Ничего другого мы не предполагали увидеть.

Поля её тетрадей там, где это было возможно, исписаны одним единственным именем, выведенным обеими руками в различных шрифтах. Казалось, Ника с упоением не только следила за парнем, но и мысленно делала себя причастной к нему. Пусть он того и не хотел. Всё, что было в ней рожденного их случайной встречей, должно было принадлежать ему. Чтобы так было, нужна была лишь маленькая вещь. Чтобы он всё узнал. Она не хотела этого внешне, но жаждала внутренне. Глаза горели диким пламенем, когда губы произносили полюбившееся имя. Уголки поднимались со сладостью, когда уши ловили прекрасный голос прекрасного

человека. Её дыхание прекращалось, когда он поворачивал голову в нашу сторону и смеялся. В очередной раз смеялся. Выведенное миллионы и миллионы раз имя, произнесенное тысячами интонаций и настроений, отбивалось вместе с её девчачьим сердцем. Руки двигались, ноги ступали по земле, легкие ловили воздух – для него. Если бы он только знал, что она чувствовала... Если бы он только понимал, что творилось в ней тогда...

Она ни слова не говорила мне о своих чувствах, но, наверное, я инстинктивно понимала её или понимаю это теперь. Это была первая любовь. Первая серьезная любовь, возникшая внезапно, сильно, стремительно поглощая.

Глава 4

Сегодня Ника решила переплюнуть себя. В общей большой гардеробной, в самом её конце, стоял небольшой шкаф, хранящий в себе только пыльную обувь, оставленную нерадивым учеником. Именно в этот шкаф она догадалась забросить любимую куртку. Чтобы не доставалась она никому.

Урок истории шел мучительно медленно. Пухловатая учительница что-то втирала, пытаясь параллельно успокоить мальчишек, сидящих на задней парте. Она изредка стучала корешком учебника по парте, отвлекая нас от собственного рассказа про что-то там историческое. Мы с Никой не сидели вместе за одной партой. Лишь на некоторых несерьезных уроках нам удавалось подсесть и поболтать, и история не была таким предметом. Мы переглядывались друг с другом, улыбались или кивали головами.

Звонок облегчил наши страдания. Забросив вещи в портфель, мы выбрались из кабинета. Оттолкнувшись от края подоконника, налюбимейшего места учеников, высокий кудрявый парень направился точно к нам. Он открыл свой большой рот и заговорил низким голосом:

– Вероника, не могла бы ты отдать куртку?

Из неё весь дух выбили одной фразой. Молодые щеки побледнели, но она сжала челюсти, чтобы не выдавать испуга. Посмотрела на него, словно укротительница на плененного в будущем льва, и пошагала вперед, подняв подбородок. Я потопала за ней, как вечный спутник и страж. Косвенно я тоже была виновна: я не отговаривала её, а, скорее, способствовала такому дерзкому поступку. Можно было ограничиться перевешиванием куртки. Но она хотела обладать ею.

Она вошла в черные ворота гардеробной и распахнула створки шкафчика. Парень улыбнулся, высмеивая наш детский поступок. Её острый взгляд следил за тем, как он взял куртку, сказал, что не стоит больше так делать, развернулся и ушел. Думаю, в тот момент она ничего так не жаждала, как смерти друга Вовы, который парой слов вскрыл всю подноготную её замыслов. Каменное лицо скрывало настоящие эмоции, она крепилась не выдавать свое поражение.

Должно было быть что-то, что остановит её преступную деятельность. Её детские поступки. Куртка перестала быть объектом обожания. Хотя она и потом подходила к ней, чтобы прикоснуться, вдохнуть одеколон, почувствовать, как она обогревает своего хозяина. Она могла бы плакать, видя предмет, вырванный практически из её рук. Она могла бы кричать, что её лишили маленькой радости, крохотной возможности быть ближе к нему. Но ничего не происходило, потому что в голове рождалось нечто грандиозное, нечто стоящее свеч.

Она писала. Она писала несуществующую, придуманную воображением, собственным желанием историю. На нескольких сорокавосемистовых тетрадях мы изложили то, что она хотела бы видеть в реальности, то, что она хотела бы иметь сейчас. Я помогала ей выдумывать, помогала ей изображать и смачно описывать все сцены, которые она вождедела воплотить в жизнь. Несмотря на наши придумки, она понимала, что ничего из этого не может случиться, а потому пусть всё останется на листах.

Дни шли друг за другом несменной вереницей. Как говорится, календарь становился тоньше. А мы продолжали, словно это был обычный ситком с непрекращающимся бюджетом. Нам было весело, хотя мы видели усталость на лицах парней, замечающих двух странных девчонок, перевешивающих куртки. Они смеялись теперь не только над нами, но и над Вовой. Ни в чем неповинный, он вынужден был терпеть легкие, а иногда колкие насмешки одноклассников. Он же не знал, даже не предполагал, что творилось в головах девчонок седьмого класса. Или не хотел знать. Возможно, он считал это временной забавой или шуткой, которая скоро должна закончиться. Однако она не хотела подходить к концу.

Перемещаясь с одного урока на другой, мы шли по длинному коридору, разделенному небольшой выемкой, делающей его похожим на туннель. Там редко включали свет, потому в этом месте пролегал огромная темная тень, освещенная только когда солнце работает в полную мощность. Наш маршрут пролегал именно через этот туннель. И маршрут еще двоих парней шел именно в этом месте. Не стоит гадать, кого я имею в виду. За секунду она поняла, что есть только два пути: развернуться, сделав вид, будто мы ошиблись, или идти прямо с гордо поднятыми головами. Я бы поддержала любой вариант – она знала это. Я была готова ко всему, что выкинет её голова.

Она задала мне какой-то неловкий вопрос, совершенно не вяжущийся ни с чем. Мы ни о чем не говорили, а если и говорили, то забыли о чем, потому что увидели Егора и Вову. Много ли нужно для полной отключки памяти? Всего лишь знакомые наизусть движения рук и ног, любимейшие улыбки, посвященные не тебе, и слова, льющиеся из дорогих губ. Я, конечно, постаралась что-то пролепетать, чтобы это было не только в тему, но и звучало долго, чтобы она могла не отвлекаться на меня, чтобы потратила важные сейчас взгляды на него. Рот мой заткнули будто пробкой, когда мы подошли на достаточное расстояние, чтобы четко разглядеть их насмешливые улыбки. Она не обратила на это внимания. Голова развернулась так, что она в открытую смотрела на них, не пряча глаз. Губы неожиданно распахнулись:

– Привет, Егор!

На одном дыхании, отобранном у неё в тот день разоблачения, она выпалила два слова, обращенном не к тому, кто каждый день отпечатывался в её серых глазах. Ответный удар не заставил себя ждать. Парни, разбередив то, над чем смеялись, натолкнулись на мощный напор. Хлопая ресницами, они прошли, но Егор удивленно выдал приветствие уже позади нас. Разворачивая к подруге не менее удивленное лицо, я боковым зрением увидела, что они остановились. Её длинные светлые волосы гордо развевались за плечами. Она дразнила их своим непонятным поведением, она ставила его в тупик своим обращением, она удивляла всех своей непоколебимостью.

Мы дошли до кабинета. Смотря на неё возмущенными глазами, я набросилась на неё с восклицаниями. Она смеялась.

– Ты видела их лица? Ты видела его лицо? Весь позеленел аж! – её задорный, счастливый проделкой смех раздавался во всех углах кабинета. Она была довольна собой, своей находчивостью, своей стойкостью.

У меня в груди распирало от возмущения и восторга. Я смотрела на её розовые щеки, торжествующие огоньки в глазах, привычный жест смахивания пряди с плеча. Она вернулась, моя Ника вернулась.

Глава 5

Её приветствия повторялись неоднократно. Хотя мы уже специально не искали их, не пытались выкроить время для их поимки, мы просто шли по коридорам, разговаривали, и как-то само выходило, что мы наталкивались на них. Они всё еще не хотели стирать своих насмешливых улыбок, а она не желала прогибаться под ними и давила свою линию. Ника прямо здоровалась с Егором, глядя именно на него, в его темные глаза. И он отвечал ей, сначала удивленно, потом привычно, будто другу. Наверное, он понял, что она не отступится, даже если он вообще перестанет обращать на неё внимание.

Вова никогда не отвечал на её приветствия, но его глаза явно хотели ответить ей. Он всё больше, всё дольше сопровождал её взглядом. Еще находясь в другом конце коридора, он приковывался к ней и не отпускал её. Несомненно, это льстило её маленькому женскому самолюбию. Ника, как молодая женщина, распускалась с каждым днем. Разносила вокруг себя яркие эмоции, переливающийся смех, разбрызгивала вдохновение и упивалась собственным. Записи в тетрадях становились всё более откровенными, более горячими и жаждущими воплощения. Молодость, молодость, куда ты так несешь желания неразумных девчонок?

Учителя заметили эту перемену и всячески пытались поддерживать её, чтобы она снова не опустила себя до огрызающейся хулиганки. Они поощряли её работы, просили дополнительной помощи и иногда угощали чем-то вкусным. Она становилась всеобщей любимицей.

Хотя нет, не всеобщей. Некоторые не могли смириться с тем, что в её жизни пролегла счастливая полоса. В нашем классе была девочка, которая довольно тесно общалась со старшеклассниками, на короткой ноге, так сказать. Она гуляла с ними, без ужимок толкала их в плечо, без стеснения позволяла себе отбирать их вещи и гоготать над этим. Она и выглядела несколько старше нас, потому могла спокойно относить себя к старшим.

Её не нравилось, что Ника из наблюдения перешла в наступление. Не по её духу было, что Ника перестала закапывать себя и всё рьянее приближаться к Вове. Презрительный взгляд выстреливал в девочку, когда мы снова говорили о нем или шли мимо парней. Она подкалывала Вову, тыкая его локтем и лукаво подмигивая. Цель такого поведения ясна не была, потому что она не пыталась добиться его расположения: она уже имела его. И она не пыталась отстранить Нику, как конкурентку, посягнувшую на её место. Она просто смеялась, и всё. Над ним, над ней. А им, кажется, было всё равно.

Всем было всё равно. Весна давно вступила в свои права, растапливая последние островки темного снега. Солнце ласково гладило по оголившимся после шапок головам, легко одетым плечам и покрывающимся веснушками носам. На земле, не закрытой асфальтом, проклевывалась трава. На деревьях, разбросивших в разные стороны ветви, образовывались зеленые почки. Время шло неумолимо, а мы, казалось, совсем не замечали этого. Мы жили, как беззаботные животные, нуждающиеся в еде и тепле.

Расписание лихорадило как сумасшедшего. Грустные глаза Ники всё чаще и чаще блестели от едва видневшихся слез. Она молча стояла в коридоре на переменах, складывала руки на груди, даже головы не поворачивала ни на что, словно замкнутая в четырех прозрачных стенах, не пропускающих ни звука. Мягкие, светлые, слегка секущиеся, её волосы брошены на плечи и не убраны назад, как то обычно бывало. Ей было без разницы как выглядеть, как двигаться, как жить, если не было никакой возможности увидеть его. Со мной она перекидывалась короткими фразами, долго смотрела, словно внимательно слушала, но на самом деле пропускала слова. Ничего не интересовало, ничто не занимало, ничто не заботило. Даже на прогулки она отказывалась выходить: мы сидели у неё дома и занимались каждая своим делом. Чаще всего она тыкала по кнопкам ноутбука и, редко моргая, глядела в экран. На ресницы скатывались слезинки, которые она смахивала украдкой, чтобы не тревожить моё внимание. Я

следила за ней, несмотря на то что читала что-то или писала домашнюю работу. Я следила за её прерывистым движением груди, словно истерическими вдохами, сдерживаемыми каждый раз. Угнетенное состояние ухудшалось. Она не двигалась, если это не имело никакой великой цели. Даже ужин, на который её звали четырежды, не был такой веской причиной. Мать Ники лояльно относилась к её поведению и спускала всё на самотек. Ей казалось, что это всего лишь очередная выходка её дочери-подростка. Возможно, так думает каждая мать, но меня удивляло, с каким равнодушием она смотрела на безжизненные глаза и руки девочки, что когда-то была под твоим сердцем. Женщина лишь коротко обнимала её, на секунду ободряя, и спокойно отправляла от себя. Может быть, я чего-то не понимала в их отношениях, но мне думалось, что им стоило поговорить.

Однажды Ника пришла в более радостном расположении духа. Спустя три недели ей наконец удалось совладать со своим упадническим состоянием. На перемене она схватила меня за плечо и, как обычно, потащила меня в коридор. Мы знали, что на сегодня девятиклассники уже ушли, а Вова не оставался на дополнительные занятия, потому никто не мог помешать её планам. В демонических глазах, где купалась замечательная идея, брызгали искры счастья. Расплывающимся в улыбке ртом она объявила мне, что хочет устроить захват. В то время, когда наши странные детские приключения имели место быть, учительская являлась священным местом преподавателей. Они собирались там, чтобы попить чаю, рассказать друг другу забавные истории, произошедшие на уроке и вообще в жизни, чтобы взять классный журнал в толстом переплете. Тот самый журнал и был целью Ники, страстно держащей меня за руку. Она поспешно возмущенно спрашивала себя, почему же ей не пришла эта идея раньше, и хлопала себя по лбу.

Мы, словно двое преступников в ночи, медленно двигались по коридору. Звонок давно прозвенел, наш учитель задерживался, как всегда. Нами было решено: сейчас или никогда. Подойдя ближе к учительской, мы захлебнулись в стуках собственных сердец. Я смотрела на неё, она – на меня.

– Ну?

– Иди, – толкала она локтем.

– Иди ты – тебе же надо.

– Это нечестно! – прошипела Ника. Она переминалась с ноги на ногу. Её волнение было вполне понятно: зайти в учительскую и взять чужой журнал было практически преступлением века. Взять и прочитать его – преступлением, за которое казнили расстрелом через повешанье.

Мы еще некоторое время оглядывались вокруг, словно воры, не имеющие никакого плана. Это было правдой: плана мы не разрабатывали. Всё, что требовалось, – это взять и прочитать.

– Я найду, – выдохнула я. Сколько мы можем тут толкаться прямо на виду? Пусть всё закончится быстро и пусть даже с болью.

Она удивленно и с некоторым восхищением посмотрела на меня. Кивнула в знак одобрения.

Я коснулась металлической ручки. Постучала тихо, как умею только я. Робко, будто умерла. Никто не ответил. Я потянула на себя. Пустой куб со стенами, завешенными бумагами.

– Пойдем.

Мы втолкнулись внутрь, чтобы не создавать ужасных скрипов. Дверь старая – кто знает, когда она захочет подать голос. Справа стоял маленький шкафчик с подписанными полочками. Напротив параллели девятых классов стояло три журнала. Мы судорожно перевели дыхание. Ника потянула руку к красному, первому, и поставила его на место. Синий, следующий за ним, оказался именно тем, что нам нужен.

Она раскрыла книгу на случайной странице.

– Собираешься читать прямо здесь?

– Нет, – она боязно перелистала журнал и закрыла его.

В коридоре слышались звонкие шаги. Тонкие каблуки будто вдавливали пятки в землю. Ника толкнула классную книгу на место и потянула меня наружу. Учитель начальных классов пронеслась мимо, даже не заметив наши бледные лица. Возвращаться мы не рисковали. Перебирая ногами, мы направились в кабинет. Сели на соседние стулья, всё ещё обуемые страхом и легким возбуждением. Мы перебрасывались взглядами и всё шире улыбались. Правда поговорить нам не удалось: учитель тут же вернулась и загрузила нас работой. Ника лишь подала мне записку: «После урокай сходим ещё раз». Я кивнула.

Время тянется медленно, когда ты жаждешь, чтобы оно быстро перебросило стрелки в нужное положение. Уже около двух часов мы вышли из кабинета русского языка, закидывая портфели на плечи. Ученики толпами сходили с лестниц, потоками смывали друг друга. Мы сели на лавочку на втором этаже, чтобы быть ближе к учительской. Смотрели по сторонам, следили за ходящей туда-сюда дверью. Прозвенел звонок на очередной урок, мы продолжали делать вид, будто чем-то безумно заняты. Преподаватели нехотя покидали кабинет, еще некоторое время толкуя о поведении учеников и жалуясь на них. Они фамильярно называли друг друга по имени, что казалось нам смешным. Двое из них заметили нас и высказались по поводу нашего хорошего воспитания. Как девчонки-шалунишки, мы хихикали им вслед.

Аккуратно ступая по линолеуму, мы снова пробрались в учительскую. Журналы девятых классов, казалось, стояли не тронутыми. Мы схватили синий и пулей вылетели оттуда. Наши молодые ноги несли нас напрямиком в женский туалет, куда точно не мог пробраться Вова, которого уже как три часа не было в школе. Но это было не важно. Нам требовалось место для уединения, а туалет – идеальное место для совершения мелкого школьного преступления.

Сбросив портфели, мы раскрыли журнал на подоконнике. Тонкие листы, испещренные энками и оценками, переворачивались с особой осторожностью, словно это было неподдельное сокровище. Она тыкала пальцем в его имя и вела, вела, вела до конца, чтобы уловить каждую оценку. Её щеки краснели, когда он получал хорошие отметки, и бледнели или даже синели, как только на глаза попадались не столь прекрасные оценки.

Она подняла голову и, хихикнув, спросила:

– Как звучит: Вероника Симонова?

– Неплохо, – одобрила я.

Её лицо засветилось радостью. Будто в этот момент её паспорт сменил фамилию на первой странице, а в таблице, куда вносятся имена детей, были заполнены все строки. Она вернулась к журналу, но спустя некоторое время снова обратилась ко мне:

– Как думаешь, у нас могло бы получиться?

– Почему и нет? У моей мамы есть подруга, её зовут Вероника, у неё муж – Владимир, – ляпнула я, не думая.

– Здорово, – светясь от бурного счастья, она убрала волосы назад.

Она еще водила, водила любовно по записям с его именем. Иногда её губы раздвигались в беззвучном повторении четырех звуков. Раз за разом это звучало слаще и мягче. Это не могло быть просто так: она вкладывала уйму значения, понятного только ей, селила туда свои чувства, ощущаемые только ею. Я не могла понять этого тогда, с высоты своего малого возраста, и даже сейчас я не совсем могу постигнуть это тонкое чувство. Она так по-взрослому, по-настоящему любила его и всё, что было связано с ним.

А потом мы открыли последние страницы журнала. Там находилась довольно личная информация, разглашать которую было никому нельзя. Наверное, поэтому ученикам не доверяли журналы. Там были выписаны имена родителей и адреса проживания. У неё сперло в зубу, как писал классик. Достав ручку и вырвав из какой-то тетради листок, она переписала каждую букву и бережно положила дорогую теперь бумагу. Ника еще раз перелистала стра-

ницы и, грустно глядя на переплет, погладила обложку. Мы без приключений вернулись в учительскую, поставили журнал и вышли.

Она была рада, что сегодня всё удачно сложилось. Она была счастлива иметь частичку информации о дорогом человеке.

С той же радостью она приходила еще некоторое время. По карте мы вычислили тот дом, что был записан, как дом, в котором проживал Вова. Вот странно: там не была указана квартира. Но когда мелочи останавливали упертых девчонок?

Уроки на неделе закончены, домашняя работа завершена – можно сходить развеяться. Мы встретились около школы, место, удобное нам обеим. Немного прогулялись по стадиону, попинали камни, поболтали о чем-то девчачьем. Она предложила сходить до того дома. Внезапное предложение заинтересовало меня, хотя и так понимала, что она рано или поздно сорвалась бы туда, со мной или без меня. Мы ушли со стадиона и, петляя в нижних дворах, всё ближе подбирались к дому с нужной нам цифрой.

Маленький, пятиэтажный, с грязными подъездами, выломанными кое-где кирпичами, с разукрашенными уличной живописью стенами, дом стоял в довольно неприметном дворе. Мы потолкались некоторое время, глаза вокруг. Люди, в основном, взрослые с большими сумками и озабоченными лицами, шли мимо нас, не замечая ничего вокруг. Они двигались по дороге с разных сторон, и мало кто из них сворачивал к подъездным дверям. На красных дверях стояли электронные замки, через которые мы не могли бы пройти, не имея ключей. Вот мы и стояли, как глупые девчонки, ведущиеся на любую информацию, вписанную в журнал. Возможно, там была устаревшая запись, которая кочевала из одного журнала в другой. Учителя даже не думали проверять информацию, а мы так неловко попались на эту удочку. Если бы не кинули жребий, мы бы потом кусали себе локти и перекладывали вину друг на друга. А так никому не обидно и не больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.